

БАРНАУЛ – СИБИРСКИЕ АФИНЫ

Макрушина Е.С. – студент, Никулина И.Н. – д.и.н., профессор

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (г. Барнаул)

Выбранная нами тема не является новой, но в настоящее время сохраняет свою актуальность, поскольку необходимо выяснить Барнаул, действительно ли похож на Афины и может называться Сибирскими Афинами. Чтобы доказать, что Барнаул первоначально назывался «Сибирскими Афинами» и является им до сих пор, немного заглянем в историю.

Барнаул – является одним из старейших центров промышленности, образования, науки и культуры Сибири. Наш город прошел довольно сложный, исторический путь от горнозаводской школы до университетского центра Алтая. Многие ученые и выдающиеся люди, посещавшие Барнаул, делали вывод о том, что город во многом унаследовал традиции мировой цивилизации. Именно поэтому в середине XIX в. известный русский путешественник П.П. Семенов-Тянь-Шанский, проживший в Барнауле зиму 1856–1857 гг. и организовавший из Барнаула две экспедиции на Алтай и в Среднюю Азию, отмечал, что: «Барнаул был в то время, бесспорно, самым культурным уголком Сибири, и я прозвал его Сибирскими Афинами...» [1].

Наш город был образован в 1730 г. В XVIII-XIX вв. Барнаул по праву считался культурным и научным центром Западной Сибири, в чем-то даже опережая губернские города. Это объяснялось потребностями горнозаводского комплекса, значительным количеством горных инженеров и других служащих. В это время в городе открывались различные учреждения науки и образования. В 1752 г. открылась заводская аптека (первое кирпичное здание Барнаула), сад лекарственных растений для нее [1]. 18 января 1753 г. при сереброплавильном заводе открыта школа «для обучения детей мастеровых «по-русски читать и писать», было принято всего 20 учеников, а к 1755 г. уже 239 учащихся [2]. В 1758 г. главный лекарь Колывано-Воскресенских заводов Н.Г. Ножевщиков открыл при барнаульском госпитале первую в Сибири медицинскую школу. В 1764 г. при правлении горных заводов была открыта первая в Сибири научно-техническая библиотека. Она оставалась самой крупной научно-технической библиотекой Сибири вплоть до создания научных библиотек Томского университета (1888 г.) и Томского технического института (1900 г.). В 1785 г. в Барнауле было открыто первое в Сибири горное училище с 5-6 летним сроком обучения [1]. В 1821 г. по инициативе начальника горных заводов П.К. Фролова начали создавать музейную коллекцию, а в 1823 г. вместе с ученым Ф.В. Геблером открыли Алтайский краеведческий музей, который считается одним из старейших музеев Сибири. В 1824 г. заработала казенная типография, через шесть лет метео- и магнитная станции, что характерно она не прекращала наблюдений за погодой в период войн и революций [2].

В Барнауле работали такие выдающиеся люди, как П.М. Залесов, Т.П. Аносов, И.И. Ползунов, С.В. Литвинов, Ф.В. Стрижков. Через Алтай из Барнаула проходили экспедиции А. Гумбольдта, Г. Розе, К. Мейера и К.Х. Ледебура, П.П. Семенова-Тянь-Шанского, П.С. Палласа [1].

Барнаул застраивался под влиянием архитектуры Санкт-Петербурга: прямые улицы (линии) и прямоугольные кварталы, что было закреплено первым генеральным планом города (1785 г.) и планом 1837 г. К середине XIX в. Барнаул – один из красивейших городов Сибири, в нем 33 улицы и переулка, 1725 домов (в том числе 15 каменных), 5 церквей (в том числе лютеранская). Имелось 12 частных фабрик (4 кожевенных, 4 гончарных, 3 мыловаренных, 1 салотопенное заведение) [4].

В XX в. Барнаул не терял своих позиций, все больше набирал силы. Стало больше уделяться внимания сельскохозяйственной науке. Как известно Алтай был всесоюзной житницей, поставщиком хлеба, мяса, масла, молока, меда. Чтобы этого достичь, было сделано многое: 1929 г. в Барнауле создана Алтайская опытная станция, ставшая базой для основания в 1950 г. Алтайского научно-исследовательского института сельского хозяйства. М.А. Лисавенко основал и развил садоводство. С 1949 г. в Барнауле работает станция

садоводства, впоследствии, на базе которой был создан научно-исследовательский институт садоводства Сибири им. М.А. Лисавенко в 1973 г. В XX в. были возведены высшие учебные заведения, которые превратили Барнаул в университетский центр. Первым был Барнаульский государственный педагогический университет (1933 г.), Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (февраль 1942 г.), Алтайский государственный медицинский университет (1954 г.) [1]. В XX в. начала активно развиваться туристская сфера, создавались маршруты в горы, по окрестностям Алтайского края, появлялись туры по России и за рубеж. Открывались туристские фирмы (учреждения) к концу 1998 г. действовало около 40 («Спутник-Алтай», «АВС-тур» и др.), к 2013 г. – 183 организации, которые работали не только на местные маршруты, но и в разные уголки мира.

У нас было много выдающихся спортсменов по борьбе самбо (Елистратов В.Я.), вольной борьбе (Ильиных А.В.), греко-римской борьбе (Попов В.А.), мотогонкам (Фесенко В.А.), футболу (Брыкин Б.В.), конькобежному спорту (Клевченя С.К.), легкой атлетике (Вольф Е.И.). Деятели литературы и тетра: Бородкин П.А., Зверев М.Д., Кирилин А.В., Николенкова Н.М., Старцев П.Н., Тачалов И.И., Яненко С.С., Астахов Б.М., Ефимов Ю.Ю., Замятин П.П., Иванов О.Б., Кириченко О.Л. [3].

Прошли годы, Барнаул перешел из одного тысячелетия в другое. И из камерного центра горнорудной промышленности постепенно выросла крупнейшая столица хлебобобового края, сохранив при этом свои культурные традиции.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский не зря назвал Барнаул «Сибирскими Афинами», впервые в Сибири были открыты различные учреждения. В настоящее время Барнаул, является одним из лучших городов Сибири по качеству образования в высших учебных заведениях, предоставления медицинских услуг. В Барнауле много мест способствующих культурному и духовному развитию: музеи, театры, школы развития творчества. Строители и архитекторы возводят дома невероятной красоты, в нашем городе чтят людей, родившихся на Алтае, и возводят в их честь памятники, называют их именами улицы (ул. Аванесова, ул. Ползунова, пер. Геблера, ул. Гущина) и здания. Гордостью и богатством города являются люди, живущие здесь. Несомненно, у города большое будущее.

Список источников и литературы:

1. Сибирские Афины: Краткий историко-информационный справочник. Составитель Дмитриев В.В./ Алт. гос. техн. ун-т им. И.И. Ползунова. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 1999. – 20 с.
2. Барнаул: Фотоальбом. Составитель Пургин Ю. – Барнаул: Изд-во Алтапресс, 2010. – 238 с.
3. Барнаул: Энциклопедия. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – 408 с.
4. Энциклопедия Алтайского края: В двух томах. – Барнаул: Пикет, 1997. – Т. II. – 488с.

ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КРАСНОГО КРЕСТА ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1906 – 1907 гг.)

Гусева О.В. – научный сотрудник Музея АлтГТУ

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (г. Барнаул)

С завершением русско-японской войны в 1905 г. деятельность Томского и Барнаульского Местных Управлений Общества Красного Креста главным образом была сосредоточена на ликвидации госпиталей, комитетов и других учреждений Отдела, учёте и распределении капиталов и имущества этих учреждений [1].

В Томске начала действовать Ликвидационная Комиссия, в составе которой были представители от Российского Общества Красного Креста. Все организованные во время русско-японской войны в Томской губернии лазареты для эвакуации больных и раненых воинов, находившиеся в ведении Местных Управлений Красного Креста, к концу 1906 г.

были упразднены [2]. В 1905 г. прекратила свою работу бесплатная швейная мастерская Барнаульского Дамского Комитета и Дамский Комитет, так как исчезла необходимость в заготовке белья для лазаретов [3]. 7 августа 1905 г. был закрыт лазарет Красного Креста на Томском переселенческом пункте, все оставшиеся в лазарете больные и раненые воины были переведены в госпиталь Красного Креста при втором доме студенческого общежития Томского Университета. За весь период работы лазарета с 1 июля 1904 г. по 7 августа 1905 г. в нём получило медицинскую помощь 249 военнослужащих нижних чинов [4]. 13 сентября 1905 г. был расформирован Томский госпиталь Красного Креста, располагавшийся во втором студенческом общежитии [5]. В период военных действий в госпитале лечилось 691 человек, из них 34 офицера и 657 нижних чинов [6].

Всё имущество, принадлежащее ликвидированным Барнаульским госпиталям на 150 кроватей и плавучему лазарету Красного Креста на 60 кроватей, решено было подвергнуть переучёту и сортировке. Затем была приглашена комиссия из представителей различных отраслей торговли для оценки всего имущества. Всё материальное имущество Комитетов Барнаульского местного Отдела Красного Креста и других учреждений (исключая Общину сестёр милосердия) было передано на Барнаульский центральный вещевой склад. До сентября 1905 г. склад находился под руководством почётного члена Отдела Красного Креста Ю.А. Пранг и её помощника - счетовода М.Е. Путинцева [7].

За 1905 – 1906 гг. Барнаульский вещевой склад Красного Креста бесплатно отпустил бельё: больным и раненым воинам и их семьям из местных жителей, погорельцам г. Сызрани, погорельцам г. Алатыря, Риддерской сельской больницы, Бийской городской больницы, Змеиногорской городской больницы, нищим детям, Барнаульскому Благотворительному Обществу, Мариинскому детскому приюту [8]. Часть имущества склада была бесплатно роздана больным и раненым воинам и их семьям – местным жителям. Около 11259 единиц имущества склада на сумму 3049 р. 57 к. было бесплатно роздано больным и раненым воинам и их семьям из местных жителей в 1905 – 1906 гг. В 1907 г. было выдано 1594 лицам 10125 предметов белья, одежды и прочего на сумму 2797 р. 70 к., Барнаульскому переселенческому пункту для больницы – 73 предмета на сумму 1 р. 26 к., городу для городской больницы – 163 мелких предметов на 12 р. 20 к., Мариинскому детскому приюту – 898 предметов на 238 р. 41 к. [9] В 1907 г. из запасов Вещевого склада воинским чинам и их семьям было выдано 1594 материальных пособий. К данному виду помощи Барнаульское Местное Управление Красного Креста прибегло вследствие того, что самыми щедрыми жертвователями холста, полотенец, грубого белья и прочих вещей были местные крестьянки – жёны, матери и сёстры тех, кто сражался в Порт-Артуре или на Дальнем Востоке в целом. Поэтому, по мнению действительного статского советника Розанова, обратить эти материальные пожертвования в капитал путём продажи их с аукциона или на местных базарах значило бы нанести глубокое оскорбление крестьянскому населению. Продаже из Вещевого Склада могли подлежать лишь госпитальные вещи или такие, которые не имели значения в местном крестьянском обществе [10].

Помимо Барнаульского лазарета Красного Креста, было решено ликвидировать лазарет для раненых и больных воинов на 30 кроватей при станции «Обь» Сибирской железной дороги. Формально данный лазарет принадлежал Комитету Красного Креста в г. Новониколаевске, но содержался на средства Барнаульского Местного Управления, так как собираемых на месте денег Ново-Николаевским комитетом было недостаточно. Содержание одного больного в этом лазарете обходилось в 1 р., а в Барнаульском госпитале такое содержание не превышало 13 – 17 копеек в день. Решение Барнаульского Местного Управления закрыть данный лазарет было вызвано ещё и тем, что в г. Новониколаевске имелся другой лазарет на 103 кровати, учреждённый главноуполномоченным Российского Общества Красного Креста сенатором фон-Кауфманом недалеко от станции «Обь» в переселенческих бараках. Но Ново-Николаевский комитет, не желая ликвидировать лазарет, решил выйти из состава Барнаульского Отдела Красного Креста и присоединился с 1 мая

1905 г. к Томскому Местному Управлению, которое приняло его под своё покровительство [11].

В 1906 г. прекратили своё существование следующие Комитеты: Змеиногорский, Алтайский, Кольванский, Салаирский, Локтевский, Карасукский и Кузнецкий; Каменский Комитет Красного Креста был закрыт в апреле 1907 г. [12]

В конце 1906 г. Томское Местное Управление завершило ликвидацию всего движимого (кроме санитарной кареты) имущества Красного Креста, оставшегося от запасов военного времени. В 1907 г. оно, с разрешения Главного Управления Общества Красного Креста, ликвидировало и имевшуюся в своём распоряжении недвижимость на станции «Тайга» Сибирской железной дороги. Здание прачечной было продано Управлению Сибирской железной дороги, а весь её инвентарь – Томской Городской Управе. Пожертвованный Красным Крестом небольшой дом в селе Путинцевском, Змеиногорского уезда также был продан из-за ветхости с аукциона [13].

К 7 декабря 1906 г. Ликвидационная комиссия закончила свою работу. Всё оставшееся от заготовок военного времени имущество Красного Креста, хранившееся на особых складах Общества, было ликвидировано Томским Местным Управлением путём продажи вещей с аукциона, а некоторые из вещей были проданы по вольной цене [14].

Не израсходованные денежные средства, оставшиеся от пожертвований на нужды войны, по решению собрания расформировывавшихся в 1906 – 1907 гг. комитетов Красного Креста могли быть направлены в различные благотворительные учреждения в качестве денежной помощи. Так, 10 декабря 1906 г. на собрании по расформированию Особого Комитета Красного Креста при Томском городском управлении было решено передать оставшиеся 3060 р. 58 к. на выплату пособий Владимирскому детскому приюту, городскому приюту для бездомных и нищих детей и Томской Общине сестёр милосердия Красного Креста для поддержания её деятельности [15].

В 1907 г. практически вся работа Барнаульского и Томского Местных Управлений Общества Красного Креста была направлена на облегчение материального положения многих воинских чинов и престарелых сестёр милосердия, пострадавших на войне. Пытаясь решить эту проблему, Местные Управления сотрудничали с другими комитетами и общественными организациями. Помимо выдачи денежных пособий, были достигнуты соглашения с руководством городских учреждений, должностными и частными лицами, торговыми фирмами о предоставлении раненым офицерским и нижним чинам каких-либо занятий или должностей. При условии, что данные лица по своим нравственным качествам были достойными покровительства Красного Креста, а так же по своему материальному положению являются нуждающимися в поддержке Общества [16].

Таким образом, финансово-хозяйственная деятельность Томского и Барнаульского Местных Управлений Российского Общества Красного Креста в 1906 – 1907 гг. характеризовалась рачительным и бережным отношением к имуществу Общества и предпринимательским подходом к его излишкам. Основными задачами финансово-хозяйственной деятельности Местных Управлений Российского Общества Красного Креста Томской губернии в это период явилась ликвидация излишков имущества Общества, сокращение его организационно-штатной структуры, оказание денежной и материальной помощи раненым и больным нижним чинам и семьям погибших воинов.

Список источников и литературы:

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 12651. Оп. 1. Д. 538. Л. 4.
2. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 538. Л. 26 об.; РГВИА Ф. 12651. Оп. 1. Д. 612. Л. 35; Отчёт Томского Местного Управления Российского Общества Красного Креста за 1906 год. – Томск: Типография Губернского управления. 1907. – С. 1, 3; Курлов, М. Г. Исторический очерк деятельности Томской Общины сестёр милосердия, за первое пятнадцатилетие (1892 –

- 1907 гг.). – Томск: Типография Губернского управления. 1908. – С. 56, 67; РГВИА Ф. 12651. Оп. 1. Д. 612. Л. 35.
3. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 538. Л. 26 об.
 4. Курлов, М. Г. Исторический очерк деятельности Томской Общины сестёр милосердия, за первое пятнадцатилетие (1892 – 1907 гг.). – Томск: Типография Губернского управления. 1908. – С. 67.
 5. РГВИА Ф. 12651. Оп. 1. Д. 612. Л. 35.
 6. Курлов, М. Г. Исторический очерк деятельности Томской Общины сестёр милосердия, за первое пятнадцатилетие (1892 – 1907 гг.). – Томск: Типография Губернского управления. 1908. – С. 56.
 7. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 538. Л. 28.
 8. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 538. Л. 28.
 9. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 538. Л. 119, 119 об.
 10. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 538. Л. 103, 104.
 11. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 538. Л. 53 об., 54. 54 об.
 12. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 538. Л. 104.
 13. Отчёт Томского Отдела Российского Общества Красного Креста за 1907 год. – Томск: Типография Губернского Управления. 1908. – С. 1.
 14. Отчёт Томского Местного Управления Российского Общества Красного Креста за 1906 год. – Томск: Типография Губернского управления. 1907. – С. 1.
 15. Государственный архив Алтайского края (ГАТО) Ф. 233. Оп. 2. Д. 2813. Л. 52.
 16. Отчёт Томского Отдела Российского Общества Красного Креста за 1907 год. – Томск: Типография Губернского Управления. 1908. – С. 1.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВОЕННОПЛЕННЫХ НЕСЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ С СИБИРЯКАМИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Кунгурова М.Ю. – аспирант АлтГТУ

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (г. Барнаул)

В годы Первой мировой войны в Западной Сибири по сравнению с другими регионами европейской России, ввиду ее удаленности от театра военных действий, было размещено большое количество пленных австрийцев, венгров и немцев, которые считались политически неблагонадежными [8]. Такие сведения указывались не только в официальных документах того времени, но и в периодической печати, в первую очередь, в газетах. В общественно-литературной и экономической газете «Омский вестник», мы встречаем данные о прибывших пленных. В конце сентября 1914 года газета «Омский вестник» сообщала, что в Тобольск привезли свыше 3000 пленных, большинство из которых были австрийцы [8]. Что касается точной численности военнопленных австрийцев и немцев, то следует отметить, что ни в официальных источниках, ни в газетных заметках в первые годы войны, не содержится точных статистических сведений о национальном составе военнопленных. В архивных документах встречаются лишь отрывочные данные о численности австрийцев, немцев и славян. Например, на 1 января 1917 г. в Ведомости о расквартировании военнопленных в г. Бийске, содержатся сведения о военнопленных австрийских и немецких офицерах – 36 человек. Относительно численности нижних чинов указывается, что в бараке №4 были расквартированы 161 военнопленный из славян, румын и австрийцев [1, Л.5]. О наличии достаточно большого количества военнопленных австрийцев и немцев можно судить исходя из частных упоминаний в газетах, а также в официальных документах о военнопленных Западной Сибири австро-венгерского и немецкого происхождения. Так, в Омском лагере военнопленных взыскания налагались в основном на австрийцев, венгров и немцев. В газете «Омский телеграф» от 3 сентября 1914 г. указывалось

о прибытии в Омск 1500 пленных «австрийцев и германцев» [6, Л.1-12 об.; 11]. В августе 1915 года газета «Омский вестник» сообщила о том, что среди пленных, передвигавшихся через станцию «Омск», преобладали «германцы» и совершенно отсутствовали «славяне» [9].

Через газеты российские власти стремились сформировать общественное мнение российского населения, в том числе и в Западной Сибири. Постоянное упоминание в газетах о славянах, как о дружественных нам народностях и о враждебных нам немцах и венграх, было одним из средств формирования так называемого «образа врага» в сознании солдат, офицеров и населения в тыловых регионах страны. В периодической печати Западной Сибири, например, еще в самом начале войны, встречались небольшие заметки о численности славян и немцев: «По новейшим данным в настоящее время число всех славян в Европе определяется в 162 млн. Число же немцев – 80 млн., то есть славян в два раза с лишком больше, чем немцев» [10]. Тем самым подчеркивалось численное преимущество славян в войне. Военные власти всячески стремились отделить пленных славян от «вражеского и оскорбительного отношения к ним со стороны немцев и венгров, вызванного племенной ненавистью вообще» [3, Л.67].

Однако в тех же газетных заметках можно найти и сведения о том, что со стороны австро-венгерского населения племенная ненависть не была такой сильной, какой ее целенаправленно показывали российские военные власти. В воззвании Воинского комитета социал-демократов к войскам Австрии мы встречаем вопрос и недвусмысленный ответ: «... - Кто наши друзья, и кто наши враги? – Наши враги – весь мир. К этому выводу легко прийти, - стоит проглядеть иностранные газеты. Газеты всегда настраивают общественное мнение» [12]. Однако, что касается самого венгерского общества, то из сообщения генерального консула России в Будапеште в сентябре 1914 г. следует, что «в обществе незадолго до войны раздавались голоса, рекомендовавшие сблизиться с Россией». Далее консул заключает, что «общество искусственно втянуто в войну и настроено австрийскими политиками» [7].

В Западной Сибири австро-венгерские и немецкие пленные получили возможность «сблизиться с Россией». Несмотря на то, что признавалось необходимым обособить славян от немцев и венгров в местах постоянного водворения, в лечебных заведениях, на различного рода работах, в условиях сибирской действительности далеко не всегда выполнялись установки центральной военной власти. Да и сами сибиряки с сочувствием относились не только к военнопленным славянского, но и австро-венгерского и немецкого происхождения.

Население Западной Сибири довольно доброжелательно относилось ко всем иностранным военнопленным без различия национальностей. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи общения сибирского населения с пленными австрийцами и немцами. Например, в телеграмме помощнику начальника Омского жандармского управления (ноябрь 1916 г.) содержались сведения о задержании трех военнопленных офицеров австрийской армии, которые в статском платье без конвоя были задержаны в г. Семипалатинске. Пленные 27 октября 1916 г., самовольно отлучившись, явились в дом крестьянки Сетяновой по ее приглашению [4, Л. 381]. Подобные случаи, подтверждающие факт общения пленных с сибирским населением, не были единичными. Ввиду отсутствия специальных лечебных заведений для военнопленных в некоторых губерниях Западной Сибири вначале войны, врачебную помощь им оказывали совместно с местным населением [2, Л. 7-11, 50-50 об.]. Что касается применения труда военнопленных славянского, австро-венгерского и немецкого происхождения, то в этом вопросе в первые месяцы войны существовало разделение со стороны российского военного начальства по национальному признаку.

Вначале войны австро-венгерские и немецкие военнопленные не привлекались ни к какого рода работам. Их старались полностью изолировать от местного населения. Но уже в 1915 году, ввиду нехватки рабочих рук, по распоряжениям высшего военного начальства военнопленные различных национальностей стали привлекаться к железнодорожным, городским, а затем и сельскохозяйственным работам. 13 февраля 1915 г. начальник Генштаба сообщил, что на работы по ведомству путей сообщения подлежали назначению исключительно военнопленные немцы, венгры и другие «враждебно к нам настроенные

народности», славян же должны были оправить на сельскохозяйственные работы, на которых не могло быть достаточно сильной и правильной охраны, и работы по своему характеру требовали применения труда только «дружественных нам элементов» [5, Л.4]. На что командующий войсками Омского военного округа в телеграмме начальнику Генштаба от 26 февраля 1915 г. ответил, что Особый Комитет при Управлении Омской железной дороги признавал наличие на работах железной дороги «враждебно настроенных военнопленных угрожающим безопасности движения и безусловно неприемлемым» [5, Л. 23]. Но уже в феврале 1916 г., исходя из проекта наилучшего использования остатка военнопленных следует, что всех славян планировалось оставить для поручений по надобности военного времени, и даже на сельскохозяйственные работы должны были назначаться немцы и венгры [5, Л. 123]. В целях наиболее эффективного использования военнопленных, в том числе мадьяр и немцев, предполагалось перераспределение военнопленных внутри страны [13, Л. 88]. К маю 1916 г. находившихся в пределах Омского военного округа 39404 военнопленных славян предполагалось отправить за пределы Западной Сибири, в том числе 8460 пленных планировалось отправить на фронт, 6400 сербов – в Одессу, остальных 24544 пленных - в европейскую Россию. Немцев же и венгров, которых было 12537 чел., всех оставляли на месте для полевых работ [13, Л. 64].

Вследствие не только субъективных факторов, к которым можно отнести послабления со стороны местных военных властей к военнопленным в вопросах их содержания и надзора за ними во время работ, но и объективных социально-экономических условий в Западной Сибири, были созданы предпосылки для достаточно широкого взаимодействия военнопленных с сибиряками. Среди наиболее важных социально-экономических условий следует подчеркнуть: отсутствие должных помещений для казарменного размещения военнопленных; невозможность осуществить должный надзор за пленными во время работ ввиду характера осуществляемых работ. Указанные обстоятельства приводили к совместной работе австро-венгерских и немецких военнопленных с местным населением. В ходе совместного труда, а также в тяжелых условиях военного времени, происходило определенное сплочение сибиряков с иностранными военнопленными, что выражалось в совместных формах протеста, и отразилось на формировании революционной активности местного населения. Следует также отметить, что у австро-венгерских и немецких военнопленных революционный потенциал был больше, чем у русских рабочих вначале Первой мировой войны, поскольку они оказались не только в плену, но и были погружены в сложные условия труда в Западной Сибири.

Таким образом, на характер взаимоотношений местного сибирского населения и военнопленных неславянского происхождения повлияли как объективные условия размещения и труда пленных, так и исконно сформировавшееся традиционное восприятие сибиряками военнопленных как пострадавших от войны и нуждающихся в помощи.

Список источников и литературы:

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 174. Оп. 1. Д. 149
2. ГААК. Ф.174. Оп.1. Д.579
3. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.20. Оп.1. Д.141
4. ИАОО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 110
5. ИАОО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 81. Л. 4
6. ИАОО. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-12 об.
7. Омский вестник, 11 сентября 1914
8. Омский вестник, 25 сентября (7 октября) 1914
9. Омский вестник, 29 августа 1915 г.
10. Омский телеграф, 30 июля 1914
11. Омский телеграф, 3 сентября 1914
12. Омский телеграф, 19 сентября 1914
13. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.2000. Оп. 6. Д.166

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО БОРЬБЕ С ХУЛИГАНСТВОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГГ. XX ВЕКА

Кузнецов Д. Е. – аспирант

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (г. Барнаул)

В конце 1925 – начале 1926 гг. в Западной Сибири активно велась компания, направленная на борьбу с таким явлением как бандитизм. В ходе ее проведения очевидным стал уровень опасности и масштабы хулиганства в крае. По данным правоохранительных органов количество хулиганских проявлений в 1926 году в сравнение с 1923 – 1925 гг. выросло в 4-5 раз [1, С. 75]. Так же было установлено, что хулиганы зачастую вливались в банды, становясь тем самым бандитами [10, С. 128]. В первых месяцах 1926 года вопрос хулиганства, так или иначе, затрагивался в 3-х краевых и 39-ти окружных совещаний по борьбе с преступностью, где были подготовлены мероприятия по борьбе с хулиганством [5, Л. 54], вошедшие в историю, как «Компания во борьбе с хулиганством 1926 - 1927 гг.».

Юридический состав хулиганства, устанавливался статьей 176 Уголовного кодекса СССР 1922 года. Данный вид преступления определялся как «озорные, бесцельные, сопряженные с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам и обществу в целом действия, карается принудительными работами или лишением свободы сроком до одного года». Кроме того существовала и административная ответственность за «незначительные озорные и хулиганские действия». Типичными примерами хулиганства могут служить следующие события: на заводе по производству стекла «Памяти тринадцати борцов» толпа хулиганов, проникнув на предприятие, оскорбляли рабочих, устраивали дикие пляски и драки; в мае 1925 года в Томске, несовершеннолетние хулиганы побили 73 окна в здании Строгановской библиотеки, имевшей всесоюзное значение, результатом их действий явилась порча ценных книг [10, С. 131]. Как следует из примеров, бесцельные действия хулиганов зачастую наносили не только материальный и физический вред конкретным гражданам, но и влияли на экономическое и культурное развитие региона в целом.

Согласно циркуляру Сибирского краевого административного отдела от 1 апреля 1926 года в противостояние данному виду преступления вовлекались все сотрудники милиции без исключения [3, Л. 56-57]. 20 сентября 1926 года Правоохранительными органами Сибири был принят совместный циркуляр «об усилении и увязке борьбы с хулиганством» [4, Л. 6]. Борьба с хулиганством велась и на всесоюзном уровне, так в июне 1926 года постановлением ВЦИК и СНК РСФСР уголовная ответственность за хулиганство увеличивалась [9].

Результаты не заставили себя долго ждать: в течение 1926 года было возбуждено более 39 тысяч уголовных дел, связанных с хулиганством [5, Л. 54,55]. Наибольшее число случаев хулиганства отмечалось в Иркутском, Красноярском и Новосибирском округах. Было осуждено более 8,5 тысяч человек. К концу года на учет в городах было поставлено около 15 тысяч человек, в сельской местности не менее 25 тысяч [8, Л. 6].

Важно отметить и работу сотрудников милиции по профилактике уголовно наказуемого хулиганства, так за мелкое хулиганство к административной ответственности только в 1926 году было привлечено порядка 21 тысячи человек, действия которых карались штрафом и принудительными работами [7, Л. 4,5]; [5, Л. 55].

Исходя из приведенных выше данных, можно сделать вывод об активности и решительности милиции в борьбе с хулиганством. Однако следует отметить некоторую мягкость приговоров – в половине случаев ответственность за содеянное не превышала полугода заключения [5, Л.4].

Не смотря на все проводимые мероприятия и решительность сотрудников в борьбе с хулиганством, в короткие сроки победить данное явление было не возможно, во многом по причине сложившегося у населения края уклада жизни. Кроме того коллективизация и форсированная индустриализация, сопряженная с ухудшением социально-бытовой сферы жизни, не способствовали снижению проявлений хулиганства.

Нельзя также оставить без внимания то, что процент молодых людей в возрасте до 25 лет, замеченных в хулиганстве, был очень велик. Так, в январе 1927 года на совещании работников милиции Барнаульского округа отмечалось, что хулиганством занимаются преимущественно лица в возрасте от 17 до 22 лет; подростки, которым негде проводить время ударяются в пьянство, в результате драки и даже убийства [2, Л.44].

В 1927 году в силу вступил новый Уголовный кодекс 1926 года, в статье 76 которого давалась более широкая трактовка хулиганства.

В 1928 году уровень данного вида преступлений существенно возрос. Основной причиной явилась амнистия ноября 1927 года, когда на свободу из мест заключения вышло большое количество хулиганов, осужденных в 1925 – 1926 гг.

Доля преступлений связанных с хулиганством на протяжении всей второй половины 20-х годов оставалась примерно на одном уровне и не превышала 16% [6, Л. 341].

Хулиганство в Западной Сибири оставалось одной из серьезнейших проблем на протяжении длительного периода. В борьбе с данным видом преступлений одновременно с милицией были задействованы и общественные организации (ОСОДМИЛ), однако искоренить проявления хулиганства в 1925 – 1929 гг. не удалось. Неоспоримой победой правоохранительных органов (кроме сдерживания хулиганства на максимально низком уровне) стало формирование отрицательного образа и осуждение проявлений хулиганства в глазах общественности. Преступный мир терроризировал население, которое зачастую боясь мести хулиганов, отказывалось давать показания. В то же время население было крайне враждебно настроено против хулиганов, и само старалось их сдерживать, так в некоторых районах Барнаульского округа жители деревень грозились устроить самосуд над известными хулиганами, если последних освободят из-под стражи [2, Л. 27].

Подводя итоги, стоит сказать, что для кардинальных перемен в ситуации с хулиганством в Сибири не достаточно было только усилий правоохранительных органов, без изменений в лучшую сторону во всех сферах жизни общества победа над данным явлением была невозможна.

Список источников и литературы:

1. Агитатор. 1928. № 7.
2. ГААК, ф. Р-110. оп. 1, д. 4.
3. ГАНО-Р, ф. 1027, оп. 6, д. 1.
4. ГАНО-П, ф. 6, оп. 1, д. 547.
5. ГАНО, ф. Р-20. оп. 1. д. 182.
6. ГАНО, ф. Р-47. оп. 4. д. 245.
7. ГАНО, ф. П-2. оп. 1. д. 547.
8. ГАНО, ф. П-6. оп. 1. д. 547.
9. СУ РСФСР, 1926. № 33. ст.268.
10. Харлов Н. А. Милиция Сибири в 20-е г.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.

ПОДГОТОВКА КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ СТРОИТЕЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НА УЧЕБНЫХ КУРСАХ В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ КРАЕ НА РУБЕЖЕ 1920-1930-Х ГГ.

Бородина В.А. - аспирант

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (г. Барнаул)

На основе Директив [XV съезда ВКП \(б\)](#) 1927 г., V-м Всесоюзным съездом Советов в 1929 г. был утвержден первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1929—1932 гг.). По пятилетнему плану капитальные вложения в народное хозяйство должны были составить 64,5 млрд. руб. из них 19,1 млрд. руб. направлялись на строительство объектов промышленности. Основные средства вкладывались в развитие тяжелой промышленности.

Сельское хозяйство должно было стать на путь крупного общественного хозяйства, вооруженного новой техникой, дающего достаточное количество продовольствия для городского населения и сырья для промышленности [1]. Индустриализация страны не могла осуществляться без подготовки необходимых квалифицированных рабочих кадров, способных создавать новые предприятия, овладевать передовой техникой, показывать образцы ответственного отношения к труду.

Задачи, стоящие по развитию промышленности, транспорта, колхозно-совхозного сектора сельского хозяйства, коммунального строительства в Западной Сибири требовали большого числа квалифицированных строительных рабочих [2].

17 октября 1929 г. на Президиуме Сибкрайисполкома был принят План подготовки строительной рабочей силы в количестве 7300 человек. 7 января 1930 г. Сибкрайисполком принял расширенный план подготовки строителей в количестве 20250 человек. Из них 11950 чел. подготавливались за счет средств органов Народного комиссариата труда (НКТ), 300 чел. за счет местного бюджета и 8000 чел. за счет хозяйственных органов [3].

Подготовка кадров за счет средств органов НКТ была вполне обеспечена, все средства НКТ в размере 1 585 000 руб. 10 коп. своевременно были распределены по округам. Отпуск же средств хозяйственными органами проходил достаточно сложно. Краевыми хозяйственными органами было отпущено 422 139 руб. из причитающихся 535 128 руб., что составило 80 % от положенной суммы, а Округными строительными хозяйственными органами было отпущено всего 395 522 руб. из положенных 993 208 руб., что составило 39% от выделенной суммы [4]. Недостаточное финансирование оказало негативное влияние на подготовку материальной базы для проведения курсовых занятий.

Для подготовки профессиональных кадров в Запсибкрае имелись профессиональные училища, школы ФЗУ, профессионально-технические школы. В целях выполнения масштабных планов развития народного хозяйства края была создана сеть различных курсов, учебных баз по подготовке профессиональных кадров по широкому спектру специальностей. Следует отметить, что в начале 1929-1930 учебного года задания по подготовке необходимого количества рабочих строительных специальностей на весь учебный год не было. Подготовку начали с 4 000 человек, а в январе 1930 г. план был увеличен до 26 000 человек [5]. Это привело к недостаточности помещений, а также к увеличению числа преподавателей, что повлекло за собой дополнительные финансовые затраты.

На 15 сентября 1930 г. в Запсибкрае на курсах обучалось 26311 чел., текучесть курсантов за все время работы курсов составила 5555 человек (24,11 %). Большой процент ухода обучаемых с курсов являлся результатом недостаточной обеспеченности курсантов общежитиями, плохими условиями работы курсов, такими как недостаток инструментария, стройматериалов и как следствие этого простой курсантов. Занятия проводились в сырых подвальных помещениях, конюшнях, банях и других приспособленных помещениях [6].

Подготовка строителей проводилась исключительно в городах, в закрытых учебных базах, главным образом за счет городского контингента безработных, причем как общее явление, имеющиеся строительные работы не были использованы для учебных целей, даже не было попыток организации учебного процесса непосредственно на стройках [7].

Учебные базы комплектовались безработными уже имеющими квалификацию, например, машинистки, секретари, повара, даже счетные работники. Имели место случаи, когда в число слушателей попадали люди, физически не приспособленные к строительным профессиям [8].

На протяжении всей работы курсов и учебных баз ощущался большой недостаток инструментов и материалов. Госторг от снабжения курсов инструментарием отказался, пришлось добывать часть инструмента хозяйственным путем. По предложению НКТ была составлена заявка на потребный инструмент и отправлена в НКТ, но инструмент по этой заявке начал поступать только в конце работы курсов. Серьезные проблемы были и в обеспечении курсов стройматериалами. Несмотря на постановление Сибкрайисполкома «О снабжении стройкурсов строительными материалами в первую очередь» Стройторг и

Лесосиндикат указанное выше постановление не выполнили. Снабжение курсов и баз материалами осуществлялось не полностью и с большими перебоями. Только благодаря настойчивости и инициативы местных органов труда это затруднение было устранено путем приобретения старых домов, сараев, старых церквей и использования их для практической работы курсов в качестве учебного материала. Систематические перебои в снабжении курсов инструментами и материалами приводили к простоям и срыву учебного процесса [9]. Так, в г. Бийске стройкурсы на 913 человек не были обеспечены помещением. Материалов и инструментов было недостаточно, что вызывало перебои в работе. Также недостаточной была подготовка и преподавательского состава [10]. Говоря о затруднениях нельзя обойти такого факта, когда различные организации, в частности «Акорт» на просьбу отпустить для курсантов 10 полотенец ответил, что «может удовлетворить только через год» [11].

Помещения, занимаемые курсами, как общее явление, не соответствовали своему назначению. В Новосибирске курсы на 1000 человек занимались в сарае и когда обратились в Городской совет о передаче под курсы биллиардной и молитвенных домов, Городской совет категорически отказал [12]. В Барнауле помещения под стройкурсы также не отвечали своему назначению, но подыскать более подходящее помещение не представлялось возможным, за неимением таковых. Занятия на курсах проводились в две смены, что повлекло за собой увеличение штатов инструкторов и перерасход средств. Материалов было недостаточно. Инструментов не хватало, купить было негде, поэтому приходилось заказывать кустарям, что было дорого и не очень качественно. В Омске помещениями под курсы служили подвалы без окон, днем приходилось работать с освещением [13].

В Барнауле и пос. Белоярском обществом «Установка» были организованы курсы по подготовке строительных рабочих. На курсы принимались лица, окончившие 2-3 группы Единой Трудовой школы, не моложе 17 лет. Срок обучения курсантов составлял 3-5 месяцев. Стипендия выплачивалась в размере 30 рублей в городе и 10 руб. в деревне. Курсанты обеспечивались общежитием и общественным питанием в столовой за счет стипендии [14].

Помимо строительных курсов в октябре 1930 г. в Запсибкрае между НКТ и Автодором был подписан договор об организации курсов шоферов-водителей. Курсы комплектовались на 75 % из безработных, состоящих на учете Биржи труда и на 25 % из членов Автодора. На курсы могли быть приняты лица с объемом знаний не менее 4 правил арифметики, таких как сложение, вычитание, умножение и деление, и умеющие бегло читать и писать [15]. Курсанты автокурсов Автодора имели право на получение стипендии в размере 25 руб. в месяц в том случае, если они являлись безработными, и если занятия на курсах проводятся днем или посменно в несколько смен, что лишало курсантов возможности иметь постоянную службу или работу. Если занятия на курсах проводились только по вечерам (2-3 часа за вечер), а остальное время курсанты были свободны, то стипендия, как правило, не выплачивалась. Руководство курсов устраивало таких курсантов на службу или работу [16].

Барнаульская база общества «Установка» в 1930-1931 гг. увеличила количество курсантов слесарей на 180 человек, а также открыла курсы мостовщиков, на которые требовалось 150 человек курсантов [17]. В 1930 г. Зернотрестом были организованы курсы трактористов [18].

Краткосрочными курсовыми мероприятиями за период январь-май 1930 г. в Барнаульском округе было охвачено 8575 человек по различным видам работ, связанным со взятыми темпами строительства. Укомплектование различного рода курсов зачастую шло за счет учащихся – детей рабочих, отсеявшихся из школ II ступени. Причины этого отсева различные, как неудовлетворенность школой, так и материальная необеспеченность семей низкооплачиваемых категорий рабочих, препятствующая длительному обучению рабочего подростка в школе [19].

Имели место и недобросовестные действия по отношению к конкурентам. В 1931 г. обществом «Установка» в Павловском районе были открыты курсы строителей, с которых местный Зернотрест переманивал курсантов на свои строительные курсы в Павловском

районе и были случаи, когда курсанты проучившись 30 дней и получив стипендию уходили на курсы Зернотреста [20].

Постановлением СНК от 30 июля 1931 г. «О системе подготовки кадров на производстве» было предложено реорганизовать существующие школы, кружки и курсы для рабочих, занятых на производстве по принципу единой системы подготовки кадров на предприятиях без отрыва от производства [21]. Что послужило основой для дальнейшей подготовки предприятиями квалифицированных кадров.

Таким образом, подготовка квалифицированных рабочих с помощью курсового обучения в конкретных исторических условиях смогла обеспечить стройки Западной Сибири необходимыми специалистами. Организация подготовки квалифицированных кадров на базе предприятий в целом обеспечила необходимый уровень подготовки обучаемых.

Список источников и литературы

1. Яндекс. Словари // Сайт «Яндекс. Словари». – [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Загл. с экр. – Режим доступа: URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения 09.04.2014).
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК) Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 3. Л. 127.
3. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
4. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
5. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
6. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
7. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
8. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
9. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
10. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.
11. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 3. Л. 4 об.
12. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
13. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 3. Л. 7, 8.
14. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 3. Л. 127.
15. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 3. Л. 116.
16. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 3. Л. 83.
17. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 18. Л. 96.
18. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 3. Л. 94.
19. ГААК. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 96. Л. 3.
20. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 18. Л. 100.
21. ГААК. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 3. Л. 141.

СТРУКТУРА И СОСТАВ ЭВАКОПУНКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Мелехова Ю.А. - аспирант

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (г. Барнаул)

Эвакуация миллионов граждан из прифронтовых районов СССР на Урал, Сибирь и Среднюю Азию являлась одной из сложных задач советского правительства. Для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей 24 июня 1941 г. при Совнаркомом СССР был создан Совет по эвакуации, который возглавил нарком путей сообщения Л.М. Каганович [1, С. 9]. В Постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркомом СССР "О порядке вывоза и размещения людских континентов" от 27 июня 1941 г. были определены главные задачи и первоочередные объекты эвакуации. В первом порядке перемещению в восточные районы страны подлежали важнейшие промышленные, сырьевые и продовольственные ресурсы и другие ценности, имеющие государственное значение, а также квалифицированные рабочие, инженеры и

служащие вместе с эвакуируемыми из прифронтовой полосы предприятиями, из населения: детские учреждения, женщины с детьми, ответственные советские и партийные работники, молодежь и люди пожилого возраста [2, С. 29; 3, С. 16, 18]. 26 сентября 1941 года было создано Управление по Эвакуации населения под руководством К. Д. Памфилова, в задачи которого входило: составление планов эвакуации населения, организация эвакуопунктов, контроль за следованием эшелонов, обеспечение медико-санитарного обслуживания и питание населения в пути следования, организация приема и размещение эвакуированных, оказание материальной помощи особо нуждающимся семьям и детям, поименный учет и выдача справок о местонахождении эвакуантов [4, С. 94]. Созданный институт Уполномоченных, координировал всю эвакуационную работу с исполкомами Советов депутатов трудящихся. В ответственность Уполномоченных по эвакуации населения входила организация обслуживания их в пути следования, размещение и устройство на новом месте [5, С. 65-66]. Расселение эвакуированных граждан по отдельным районам и пунктам назначения в пределах краев, областей и автономных республик производилось по усмотрению местных властей [6, Л. 30].

Алтайский край являлся одним из районов глубокого тыла, куда в годы войны эвакуировалось население. Уполномоченным Управления по Эвакуации населения в Алтайском крае 26 декабря 1941г. был назначен Максименко М.А. [7, Л. 207]. Полную ответственность за прием, расселение и трудоустройство эвакуированного населения несли Крайисполком и Крайком ВКП (б) и лично председатели райисполкомов и первые секретари РК ВКП (б) [8, Л. 38].

Особую роль в эвакуационном процессе играли эвакуопункты. Согласно принятому Совнаркомом СССР 5 июля 1941г. положению «Об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы» это были комплексы учреждений для приема, обслуживания и осуществления размещения или дальнейшей эвакуации в тыл промышленных предприятий и учреждений, раненых бойцов, гражданского населения. Размещение их, как правило, происходило вблизи железнодорожных вокзалов и водных пристаней. Эвакуационные пункты (эвакуопункты) имели своим назначением временное размещение с последующей эвакуацией гражданского населения из прифронтовой полосы.

Эвакуопункт по своей емкости должен был обеспечивать возможность одновременного приема не менее одного эшелона (1800-2000 человек). Размещение эвакуационного пункта допускалось в зданиях городских и железнодорожных клубов, кинотеатров и в отдельных случаях школ.

По своему назначению эвакуопункты подразделялись на выходные (в прифронтовой полосе), транзитные и принимающие (в тыловых районах). На эвакуопункты в отношении эвакуированного населения возлагались следующие основные обязанности, связанные с непрерывным потоком прибывавших людей: прием и регистрация эвакуированного населения; обеспечение помещением и питанием; проведение политико-массовой работы среди эвакуированного населения на эвакуопункте; медико-санитарное обслуживание; выявление и изолирование всех больных и подозрительных острозаразным заболеваниям; осуществление санитарно-профилактических мероприятий: санитарная обработка (мытьё в бане и дезинфекция одежды); производство прививок против остро желудочно-кишечных заболеваний и оспы; проведение других мероприятий, соответствующих характеру эпидемических заболеваний; организация погрузки эвакуированного населения для дальнейшего направления по железнодорожным и водным путям [9, Л. 229-230]. Помимо этого, эвакуопунктам зачастую приходилось решать и такие вопросы, как устройство на работу, оказание материальной помощи, поиск родных; давать юридические консультации. Эвакуопункт должен был поддерживать постоянную связь с районами края, многими городскими учреждениями, железнодорожными службами [10, С. 77].

В Алтайском крае эвакуопункты относились ко II классу. Постановление Совнаркома СССР от 14 июля 1941г. установило размер расходов на содержание одного такого в размере 12,0 тыс.рублей. Финансирование расходов, необходимых на приспособления и

оборудования помещений, отводимых под эвакуопункт, производилось за счет бюджетов обл(край) исполкомов и Совнаркомов республик. Контроль за соблюдением зоны санитарной охраны было возложено на Государственную санитарную инспекцию и органы НКВД. На эвакуопункт второго класса возлагалась регистрация эвакуированного населения, оказание первой медицинской помощи, организация питания, проведение политико-массовой работы и погрузка эвакуированного населения в эшелоны. Штат эвакуопункта второго класса состоял из начальника эвакуопункта, зам.начальника по медчасти, административно-хозяйственной части 18 человек, финансовой части (бухгалтер), медицинская часть (развертывался изолятор на 50 мест) 12 человек, всего 32 человека по штату [9, Л. 230-232]. Для приема эвакуированного населения в крае было создано 3 пункта: на станциях Карасук (Кулундинская группа районов), Бийск (восточная группа районов) и Барнаул (Юго-Восточная группа районов), которые вели прием эшелонов с гражданами, прибывающими из прифронтовых районов. В целом один прибывший эшелон обслуживался по 5-6 часов [11, Л. 142, 145].

Пример положительных отзывов о работе барнаульского эвакуопункта находим в письмах, пришедших на адрес Центрального переселенческого пункта. Эвакуированные из г.Ленинграда и г.Смоленска выражали искреннюю благодарность барнаульскому эвакуопункту за хорошее отношение и прекрасное обслуживание: «По прибытии на эвакуопункт нас встретили очень тепло. Поместили в хорошо оборудованные комнаты, где мы смогли отдохнуть на сухих постелях. Особую заботу и чуткость проявлял начальник эвакуопункта Гусарев Иван Васильевич, на других эвакуопунктах такой заботы нам не оказывали» [12, Л. 105].

После обслуживания эшелонов важно было не допустить задержки в перевозке людей и имущества в пунктах разгрузки. Для руководства отправкой в колхозы эвакуированных выделялись представители на станции железных дорог и пристанционные пункты водного транспорта. Транспорт к станциям разгрузки колхозами и организациями должен был направляться к сроку, указанному краевой тройкой. Для перевозки эвакуированных со станции разгрузки до места расселения в колхозах выделялись извозчики [8, Л. 37].

По результатам работы эвакуопункта за месячный срок его начальником составлялся отчет, который отправлялся в г.Москву. На примере отчета барнаульского эвакуопункта за июль месяц 1943г. видим, что данный эвакуопункт имел острую необходимость в кадрах. Из 32 человек положенных по штату на 1-е число отчетного месяца фактическое наличие работников было представлено начальником, инженером, завхозом, прачкой и 2 уборщицами. Количество населения, прошедшего через эвакуопункт составило 1016 человек поступивших граждан и 997 человек выбывших. Отмечалась также длительность пребывания эвакуированных и состав населения, прошедшего через эвакуопункт. За отчетный период получили завтраков и обедов на эвакуопункте 2327 человек, была оказана санитарно-медицинская помощь: прошли дезинфекцию 456 человек, посетили медпункт 103 человека, было сделано 12 прививок. Из эшелонов помещено в стационар 3 человека с дифтерией, контактные 60 человек помещены на карантин. Смертельных случаев не было [13, Л. 59-61].

Из вышесказанного следует, что сеть эвакуопунктов, развернутых в Алтайском крае в годы Великой Отечественной войны характеризовалась оптимальной структурой. В условиях военного времени она показала свою жизнеспособность к решению возложенных задач. Однако на их выполнение негативно сказывалась неуккомплектованность штатов и низкая квалификация сотрудников.

Список источников и литературы:

1. Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941 – 1942 гг. / Г.А. Куманев // Новая и новейшая история. – 2006. - №6. – С. 9
2. Адибекова Ж.Г. Первые дни войны: эвакуация (по материалам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП (б)) / Ж.Г. Адибекова // Отечественные архивы. – 1995. - № 2. – С. 29

3. Белоносов И.И. Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941 – 1942 гг. / И.И. Белоносов // Эшелоны идут на Восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941 – 1942 гг. Сборник статей и воспоминаний. – М.: Наука, - 1966. – С. 16, 18
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 10.
5. Васильев Ю.А. КПСС – вдохновитель и организатор патриотического подъема Советского народа в период Великой Отечественной войны 1941-1945гг. (на материалах патриотических организаций Западной Сибири): дисс. к.и.н. / Ю.А. Васильев. – Москва, 1955. – С. 65 - 66
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6822. Оп. 1. Д. 541.
7. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-834. Оп. 11. Д. 34.
8. ГААК. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 107. Л. 38
9. ГААК. Ф. Р-834. Оп. 11. Д. 33. Л. 229
10. Потёмкина М.Н. Органы руководства эвакуационным процессом: российский опыт Первой и Второй мировых войн / М.Н. Потёмкина // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. [редкол.: И.В. Нарский и др.]. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. – С. 77
11. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 50
12. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 70
13. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 384

ПОДСОБНЫЕ ХОЗЯЙСТВА ЭВАКОГОСПИТАЛЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аргунова М.П. - аспирант

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (г. Барнаул)

С началом Великой Отечественной войны на территории Алтайского края были сформированы эвакогоспитали для лечения тяжелораненых и больных военнослужащих. В связи с перебоями в поставках и низким качеством поступающих в тыловые эвакогоспитали продуктов питания и фуража по линии Наркомата обороны (НКО) СССР, возникала угроза недостаточного питания и голода в тыловых эвакогоспиталях [1, Л. 49]. Для решения данной проблемы местные органы власти выделяли пустующие земельные участки в городах и поселках, свободные земли Госфонда, колхозов, расположенные вокруг городов и населенных пунктов для ведения сельского подсобного хозяйства согласно постановлению Совнаркома (СНК) СССР и ЦК ВКП (б) от 7 апреля 1942 г «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих» [2, Л. 246]. В соответствии с постановлением СНК РСФСР № М-22ч от 10 мая 1942 г. Алтайским крайисполкомом при эвакогоспиталях были организованы 30 подсобных хозяйств общей площадью 531, 16 га. Размер участка определялся потребностями госпиталя. Для организации хозяйств из местного бюджета с последующим возмещением от реализации полученной продукции Алтайским крайисполкомом были выделены средства от 8 до 12 тыс рублей на каждое хозяйство из ассигнований, предусмотренных на содержание эвакогоспиталей [3, Л. 167-167 об.].

Подсобные сельские хозяйства являлись дополнительным продовольственным ресурсом военного времени. Подсобные хозяйства компенсировали перебои в поставках продуктов питания интендантским управлением Сибирского военного округа (СибВО), позволяли разнообразить и расширить меню раненых бойцов свежими овощами и соленьями [4, Л. 31]. Земельные участки также позволяли улучшить материально-бытовое положение работников эвакогоспиталей и обеспечить организацию общественного питания личного состава.

Постановлением СНК РСФСР № М-22ч исполкомы Советов депутатов трудящихся обязывались оказывать практическую помощь начальникам эвакогоспиталей на существующих и вновь организуемых подсобных хозяйствах, уделяя особое внимание

откорму свиней и птицы, ремонту и постройке овоще и зернохранилищ при эвакуогоспиталях, обеспечению своевременной заготовки овощей на зиму [3, Л. 164-165]. Необходимую помощь коллективным хозяйствам оказывали подшефные колхозы и предприятия. Деятельность подсобных хозяйств контролировалась партийными органами, и отчет о проведенных работах входил в ежемесячный план заседаний первичных партийных организаций эвакуогоспиталей. За невыполнение планов подсобного хозяйства должностные лица привлекались к строгой ответственности. Для урегулирования финансовой и юридической деятельности подсобных хозяйств Наркомздравом (НКЗ) СССР был выпущен Типовой устав прибольничного подсобного хозяйства от 16 января 1943 г. [5, Л. 144]. В Уставе закреплялись нормы потребления продукции с подсобных хозяйств эвакуогоспиталей в соотношении 60% - на питание раненых и больных военнослужащих, а 40 % - на улучшение питания постоянного обслуживающего персонала госпиталя из общего урожая подсобных хозяйств.

Индивидуальным огородничеством сотрудников эвакуогоспиталей руководили профсоюзы и местные комитеты. Через торговые организации приобретались минеральные удобрения и инвентарь [6]. При возможности сотрудники эвакуогоспиталей помогали семьям красноармейцев, выделяя овощи, семена и рассаду с подсобного хозяйства и огородов [7, Л. 11 об.; 8, Л. 18].

Непосредственно в эвакуогоспитале сельхозработой руководил штатный директор подсобного хозяйства. Укомплектование бригады рабочих подсобного хозяйства было сезонным и проходило посредством свободного найма, чаще всего через объявление в газете, либо привлечение инвалидов Отечественной войны и семей фронтовиков. Командование эвакуогоспиталей выделяло и закрепляло бригады из работников госпиталя на участие в садах, огородах и подсобном хозяйстве на период посевной и уборочной кампаний [8, Л. 32]. Питание рабочих устанавливалось за счет подсобного хозяйства.

Ведение подсобного хозяйства требовало от руководителей и бригадиров определенных агротехнических знаний и навыков. Важной обязанностью являлось налаживание трудовой дисциплины среди рабочих. Отсутствие достаточного количества опытного среднего и руководящего звена сельскохозяйственного профиля определило потребность в организации курсов по повышению квалификации работников подсобного хозяйства. Занятия по агротехминимуму проводились и с рабочими, непосредственно занятыми на полевых работах и в животноводстве [4, Л. 12 об.]. В г. Новосибирске периодически проходили совещания по хозяйственной части госпиталей [7, Л. 29]. Практические советы по ведению огородов и сельского хозяйства печатались в «Алтайской правде» [9, Л. 174].

На подсобных участках обычно засеивали зерновые, просо, горох, гречиху, высаживали овощи - картофель, свеклу, репу, морковь, лук, капусту, огурцы, помидоры. Семена заготавливали с собственного урожая, а на недостающие подавали заявку в горрайисполкомы. Сезонно создавались звенья по выращиванию рассады отдельных видов овощей [4, Л. 11 об. – 12 об.]. Организовывался сбор удобрения: золы, помета, навоза. При эвакуогоспиталях имелись скотные дворы, где содержали коров, свиней, овец, птицу. Рабочие бригады самостоятельно строили свинарники, овощехранилища, зернохранилища, скотные дворы, жилые помещения и столовые для рабочих хозяйства.

Для проведения сельскохозяйственных работ составлялись конкретные планы. Успех посевной и уборочной кампаний часто зависел от организаторских способностей начальствующего состава эвакуогоспиталей, их упорства в решении задач, деловых качеств и правильной расстановки рабочей и тягловой силы. Например, в эвакуогоспитале № 4094 в 1943 г. посевная на 102 га была окончена в срок благодаря массовому привлечению рабочих и служащих, медицинского персонала, выздоравливающих военнослужащих и заключенному договору с институтом НИИ-20 об использовании трактора их подсобного хозяйства [10, Л. 41]. Для своевременной уборки урожая и его вывоза в овощехранилища начальники госпиталей часто обращались за помощью к подшефным организациям. Заготовка продуктов питания для эвакуогоспиталей на зиму была важной задачей

руководства. Но в связи с большой загруженностью, персонал эвакуогоспиталей индивидуальными огородами занимался слабо.

Из-за отсутствия достаточного количества автомашин и горюче-смазочных материалов, основным видом транспорта являлся гужевой. Так как при каждом эвакуогоспитале была конюшня и скотный двор, районными и городскими Земельными отделами исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся (горрайЗО) выделялись сеноуборочные угодья. Оплата рабочим производилась сдельно по расценкам и нормам горрайЗО [11, Л. 30].

Подсобные хозяйства эвакуогоспиталей не привлекались к обязательным поставкам государству сельскохозяйственных продуктов. За годы войны эвакуогоспиталями Алтайского края было реализовано продукции с подсобных хозяйств в 1942 г. на 334, 9 тыс. руб., в 1943 г. на 575, 8 тыс. руб., 1944 г. на 234, 3 тыс. руб., не считая прибыль передислоцированных эвакуогоспиталей [12, Л. 18].

Согласно приказу командующего СибВО от 12 июля 1942 г. № 93 «Об организации социалистического соревнования на подсобном хозяйстве», секретари парторганизации и председатели местных комитетов организовывали соцсоревнование за количество выполняемых сельскохозяйственных работ и повышению урожайности [7, Л. 36]. В отдельных эвакуогоспиталях выпускался боевой листок о ходе работы на подсобном участке, а итоги освещались на доске показателей [7, Л. 31].

С целью «воспитания рабочей силы подсобных хозяйств» и повышению трудовой дисциплины представителями партийных органов и агитаторами систематически проводились политические читки, беседы, 2 раза в месяц выступали докладчики [4, Л. 22 об.-23]. Практиковалось прикрепление за бригадами политических консультантов, которые следили за трудовой дисциплиной и политическими настроениями рабочих.

Труд рабочих подсобных хозяйств осложнялся отсутствием жилищно-бытовых условий и не соблюдением санитарных норм. В период посевной, прополочной, при уборке и сортировке урожая рабочий день мог достигать 14 часов в сутки [7, Л. 36]. Рабочие многих подсобных хозяйств не имели теплой одежды при наступлении холодов.

Среди негативных явлений среди рабочих можно выделить личную безответственность, пьянство, воровство, не всегда был правильно поставлен учет полученной продукции. В случае несвоевременного ухода гиб урожай. Конюхи допускали падеж лошадей от истощения и болезней. Имелись случаи, когда рабочим разрешалось содержать своих коров за госпитальный счет, отдавая часть молока в столовые госпиталя. Это приводило к пренебрежению уходом за госпитальным скотом в пользу собственного [8, Л. 26]. Следствием безответственного отношения являлся падеж скота. В апреле 1944 г. в эвакуогоспитале № 4094 бригадиры подсобного хозяйства были арестованы органами милиции и НКВД за допущенный пожар в свинарнике, где сгорело 40 % свиней [4, Л. 24].

Методами решения данных проблем являлись закрепление за определенными видами работ конкретных ответственных лиц, введением строгого контроля над расходом кормов и состоянием скота. Трудовую дисциплину улучшали путем поощрения лучших рабочих, усилением массово-воспитательной работы, привлечением к ответственности в случае некачественно выполненной работы, широким освещением в госпитальной прессе случаев нарушения трудовой дисциплины.

Таким образом, деятельность подсобных хозяйств эвакуогоспиталей определялась нормативно-правовыми документами и являлась подотчетной. Организация и функционирование подсобных хозяйств требовало от руководства эвакуогоспиталями ответственности, организаторских навыков, настойчивости, агротехнических навыков. В сложных военных условиях подсобные хозяйства позволяли предотвратить голод и улучшить питание раненых и больных военнослужащих, медицинского и обслуживающего персонала эвакуогоспиталей.

Список источников и литературы:

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК) Ф. П-1. Оп. 18. Д. 76.

2. ГААК Ф. Р-834. Оп. 11. Д. 39.
3. ГААК Ф. Р-1 с.ч. Оп 1 с.ч. Д. 16.
4. ГААК Ф. П-4709. Оп. 1. Д. 4.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО) Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 3.
6. Чадаев, Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945гг.)

[Электронный ресурс].
http://www.nnre.ru/istorija/yekonomika_sssr_v_gody_velikoi_otechestvennoi_voiny_1941_1945_g/index.php

7. ГААК Ф. П-4709. Оп. 1. Д. 2.
8. ГААК Ф. П-4709. Оп. 1. Д. 5.
9. ГААК Ф. П-1. Оп. 18. Д. 138.
10. ГААК Ф. П-4709. Оп. 1. Д. 3.
11. ГААК Ф. Р-1908. Оп. 1. Д. 18.
12. ГААК Ф. П-1. Оп. 18. Д. 678.

КОЛЫВАНСТРОЙ: ИСТОРИЯ И СУДЬБА (1930–1960 гг.)

Поднебеснова Е.Д. – студент, Литвинова О.А. – к.и.н., доцент

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (г. Барнаул)

Одним из актуальных направлений исторической науки является история населенных пунктов. Системный анализ возникновения, эволюции, а в ряде случаев и исчезновения тех или иных поселений позволяет выявить комплекс факторов, влияющих на развитие общества. В своей работе мы обратились к истории поселка Колыванстрой, населенного пункта, возникшего в начале 1930-х гг. в Курьинском районе Алтайского края в бассейне реки Локтевки и просуществовавшему до начала 1960-х гг. Данная тема была поднята в небольшом числе историко-краеведческих работ, напечатанных в периодических изданиях. Однако имеется потребность не только обобщить имеющийся материал, но и дополнить его новыми документальными сведениями. Таким образом, цель нашего исследования – изучение социально-экономических условий существования Колыванстроя. Источниковую базу публикации составили материалы воспоминаний, полученные при интервьюировании старожилов Колыванстроя, а также материалы из их личных архивов.

Зарождение поселка Колыванстрой связано с разработкой вольфрамо-молибденового производства. Однако каких-либо научных публикаций по Колыванстрою, а также архивных документов мы так и не нашли, и чтобы определить время его появления, мы решили обратиться к мнению старожилов Горной Колывани.

Ольга Петровна Тихобаева, одна из оставшихся в живых организаторов встреч бывших колыванстроевцев, рассказывала, что Колыванстрой, как самостоятельный населенный пункт, появился в году примерно в 1933 г. Сама она родилась в селе Краснощеково в многодетной семье. Семья у них была крепкая и отца «признали» кулаком, все имущество изъяли и не взяли в колхоз. Что прокормить семью ее отец, Петр Семенович Лактионов, в 1934 г. переехал в Колыванстрой и устроился на работу на рудник, который только начинал работать. Потом мама, Клавдия Павловна, перевезла детей на тележке в Колыванстрой. Здесь они построили первое свое жилье. Это была землянка. Ольге Петровне в это время было 6 лет. Затем отец стал работать бригадиром на конном дворе, который состоял при руднике, а Клавдия Павловна устроилась на работу в пекарню. Это и спасало семью в самое голодное время. Из родственников Ольги Петровны на руднике работала только сестра. Проработав в шахте два года, она умерла от силикоза. Сейчас Ольга Петровна Тихобаева пенсионерка. С 1962 г. они с мужем жили в Колывани. Оба работали в школе.

Найденные фотографии позволяют определить принципы постройки поселка. Жилая и промышленная застройка Колыванстроя формировалась в межгорной котловине. Поскольку со всех сторон Колыванстрой был окружен горами со скальными гребнями, он был хорошо

защищен от ветров. Снега было совсем немного и дорогу до Колывани никогда не заметало. По этой дороге возили на станцию вольфрам, ездили в Колывань и Змеиногорск. Застройка поселка выглядела следующим образом: административные, торговые и складские здания были расположены вокруг центральной площади, где проводились общественные мероприятия. К площади примыкали промышленные объекты: электростанция, механический и электрический цеха, автопредприятие, а дальше – шахты. Застройка поселка, включая промышленные объекты, была завершена в короткий срок (около 7 лет).

Первым директором рудника был Швецов Леонид, – сказала нам О.П. Тихобаева. Откуда он приехал, она не помнит, но помнит, что человек это был высокообразованный и очень интеллигентный.

Население Колыванстроя в своем большинстве состояло из рабочих. Формировалось оно несколькими путями. Во-первых, за счет жителей Колывани, а также из жителей близко расположенных деревень. Во-вторых, источником пополнения рабочих кадров были крестьяне, уходившие от массовой коллективизации. Однако введенный в 1932 г., т.е. еще до строительства Колыванстроя, паспортный режим сдерживал приток такой категории населения. В-третьих, число работников Колыванстроя увеличивалось за счет потомков сибирских казаков с Алтайской оборонительной линии (поселения Андреевск, Белорецк, Бугрышиха, Тигирек, Чинета, Убиенная). И, наконец, часть рабочих оказались на руднике в качестве спецпереселенцев и политзаключенных. Среди них были не только русские, но и украинцы, татары, немцы, эстонцы, поляки.

Ввиду того, что для производства боеприпасов и различной военной техники требовалось большое количество цветных металлов в 1938 г. образовалась строительная организация «Колыванстрой», которая вела подготовительные работы для закладки полиметаллических рудников в районе Змеиногорска.

В Колыванстрое, приезжавшие получали зарплату, выплачиваемую в рублях или даже в бонах (чеках). Нужда заставляла вынужденно-добровольных переселенцев трудиться с большим рвением не только на производстве, но и в личном подсобном хозяйстве. Уклад жизни основывался на самообеспечении. Без коровы, без своего огорода, жизнь в этих местах была невыносима.

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для Колыванстроя, как и для всей страны. В то время Колыванстрой находился на особом государственном обеспечении. Рабочие спускались в глубокие, трехуровневые шахты на лифте. Отбойными молотками откалывали руду. Грузили на вагонетки и по узкоколейке, вручную вывозили на специальную площадку, с которой поднимали руду на гору. На руднике дробили руду, т.к. вольфрам вкраплен в кварцит, очищали от примесей. Полученный чистый концентрат засыпали в специальные ящики, которые отправляли в Пospelиху и далее на заводы оборонной промышленности. Подростки помогали собирать руду. Затем ее дробили, укладывали в специальные пакеты и тоже отправляли на военные заводы. Для того, чтобы определить вольфрам чиркали камень о камень. Вольфрам оставляет коричневые полосы. Во время войны бурильщикам давали «бронь», но таких было немного. На руднике работало очень много женщин и подростков – комсомольцев. Весь уклад жизни был подчинен девизу «Всё для победы!» Колыванстроевцы добывали вольфрам для сверхпрочной стали, и защитной брони для самолетов, танков, артиллерийских орудий. Условия труда были ужасными: в забоях была постоянная пыль, бурили зачастую вручную, вагонетки таскали женщины [1]. Женщин вывели из шахты уже в послевоенное время, примерно в 1957–58 гг. [3] Инженерно-техническое руководство осуществляли специалисты, эвакуированные из центральной части страны.

В послевоенные годы на Колыванстрое начали модернизировать основное производство. Однако внедрение техники не означало переход к безопасному производству. Бывший бурильщик Павел Васильевич Ерыгин, проработавший на шахте семь лет рассказывал, что многие рабочие умирали от силикоза: «Год–два проработал – силикоз, еще пару лет прожил

– и нету...» [1]. Средний возраст мужчин в Колыванстрое составлял всего 35–40 лет, женщин – чуть больше [2].

«Вы не знаете, какие люди здесь были, – рассказывала еще в 1990 г. корреспонденту краевой газеты бывшая жительница Колыванстроя Мария Александровна Кошелева. – Во время войны сами заявления писали, на фронт рвались. А их не пускали. А через два–три года после 45-го никого из них уже и не осталось...» [1]. «Понимаете, люди приезжали сюда интересные. Из промышленных центров, больших городов, – вспоминала М.А. Кошелева. – Они заметно отличались от местных. Были веселее, более открытыми, более привычными и отзывчивыми на новое. Ну, например: вот был у нас до войны в Колыванстрое клуб барачного типа. Все решили – надо новый. Так за одно лето и построили. На 350 мест, с балконом. И директор после работы выходил трудиться, и шахтеры, и мы – ребятишки» [1]. Мария Александровна, бывшая одним из организаторов встреч бывших колыванстроевцев, же умерла. О новом клубе, построенном за лето, рассказал ее нам сын С.С. Кошелев, а О.П. Тихобаева добавила, что ставили пьесы, такие как «Гроза», «В чужом пиру похмелье», «Калиновая роза». Здесь, в драмкружке, она и познакомилась со своим будущим мужем Петром Михайловичем Тихобаевым, который работал в школе.

В послевоенное время численность поселка Колыванстрой достигала 10 тысяч человек. В поселке были открыты фабрично-заводское училище, электростанция, механический и электротехнический цеха, автопредприятие. На Колыванском руднике размещалось рудоуправление, однако после 1952 г. оно было перенесено в горно-алтайский поселок Акташ [2].

В Колыванстрое, в отличие от других населенных пунктов, легче можно было получить квартиру, приобрести необходимые товары. Это было связано с тем, что за шахтеры, работавшие на рудниках, получали бонусы, которые, по сути дела, представляли внутреннюю «валюту», на которую можно было купить все. Лишь на время войны снабжение ухудшилось, но все равно заметно отличалось от «снабжения» соседних деревень [1]. «Когда я устраивался в 1954 году на местную шахту, – рассказывал П.В. Ерыгин, – мне знакомые говорили: “Там же мрут как мухи”! А у нас в Поспелихе в тот год засуха страшная была, в одно лето исчезло все. Нет, говорю, хоть несколько лет, но как человек пожить хочу. И вправду, меньше трех тысяч не зарабатывал. А на пять рублей я, например, шел с женой и двумя детьми в столовую, заказывал себе сто граммов водки и еще неплохо вчетвером обедали» [1].

В 1950-е гг. облик Колыванстроя начал меняться. Строили новые дороги, протянули ЛЭП, улица Горняцкая была застроена многоквартирными домами. Позитивные изменения произошли и в социально-культурной сфере: улучшилось медицинское обслуживание, сдан в эксплуатацию профилакторий, построили новую школу, детский сад, открыли профтехучилище, в котором готовили штукатуров и маляров. Старшеклассники из Колывани продолжали обучение в старших классах в школе Колыванстроя. О.П. Тихобаева рассказывала, что было по-разному, иногда наоборот, колыванстроевцы учились в старших классах в Колывани. На общественных началах в Колыванстрое был построен стадион, на котором проходили спортивные соревнования и общественные праздники. Социальный уровень Колыванстроя был намного выше, чем в Колывани, которая была административным центром. Однако Колыванстрой оставался ведомственным населенным пунктом.

В 1960 гг. промышленное производство в Колыванстрое закрыли. Рабочие предприятия оказались не востребованы в регионе. Некоторая часть населения осталась в Колывани, стала работать в области сельского хозяйства. Но большинство шахтеров разъехалось по различным предприятиям страны. При этом деревянные дома разбирались, а ценное оборудование увозилось. Очень скоро в бывшем горняцком поселке остались лишь пенсионеры [1].

Старожилы Колыванстроя с болью говорят о печальной судьбе поселка. Так, на вопрос: почему закрыли Колыванстрой, – О.П. Тихобаева отвечала со слезами на глазах: «Не знаю!

Вольфрам еще был и есть! Зачем было лишать обжитого места проживания, зачем было разгонять поселок». И добавила: «Вот сейчас бы не закрыли. На месте Колыванстроя, наверное, уже был город. А так, все пошло прахом. Разрушены дома, школа, магазины. Какое красивое было село!»

В заключение хотелось бы отметить, что трагедия Колыванстроя типична для многих предприятий, появившихся в советскую эпоху. Командная экономика, существовавшая в СССР, позволяла в ситуации кризиса за короткое время мобилизовать все ресурсы. Однако та же экономическая модель не способствовала развитию предприятий в ситуации стабильности, какими оказались 1960-х гг. В целом, исторический анализ развития поселка Колыванстрой демонстрирует ошибочность построения населенных пунктов за счет одного структурообразующего предприятия и показывает необходимость предвидения возможных последствий, в том числе и социальных, в реализации масштабных экономических проектов.

Список источников и литературы:

1. Антонов О. Что же было под Колыванью? Или об исчезнувшем поселке, в котором был построен социализм // Молодежь Алтая. 1990. 4 мая. №19 (9720).
2. Муравлёв А. Колыванстрой и другие. Очерки цикла «Города-призраки» // Алтайская правда. 2011. 10 июня.
3. Панина О. Б. Фронтные годы Колывани // Патриот Алтая. Курья. 2005. 1 апреля.

ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ (СЕРЕДИНА 1950-Х-СЕРЕДИНА 1960-Х ГОДОВ)

Яровикова В.А.– аспирант

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (г. Барнаул)

Стремительная динамика советской эпохи во многом определялась трудовым энтузиазмом молодёжи. Именно руками молодых прорубались просеки в сибирской тайге, строились новые дороги, открывались и осваивались новые месторождения нефти и газа, прокладывались трубопроводы – создавался экономический потенциал, который активно используется в настоящее время. При этом отнюдь не погоня за длинным рублём являлась главным стимулом трудовой деятельности, а искреннее стремление молодёжи сделать свою страну сильной и процветающей.

Ветер перемен, начавшийся вместе с политической «оттепелью» 1953 г., затронул фактически все стороны жизни молодого поколения. Вместе с политическими изменениями началось реформирование экономики, социальной сферы. Была принята программа строительства коммунизма, что в свою очередь, обусловило появление новых форм молодёжных движений и починов. Реформы захватили и сферу образования. Возник острый дефицит рабочих различных специальностей. Отсюда – стремление соединить школу и производство, вовлечь молодёжь уже со школьной скамьи в производственный процесс.

Отчётный доклад Барнаульского горкома ВЛКСМ на XV городской комсомольской конференции (28 ноября 1954 г.) показывает с каким энтузиазмом откликнулись комсомольцы и молодёжь на призыв правительства об освоении на Алтае в 1954-1955 гг. двух миллионов трёхсот тысяч гектаров целинных и залежных земель. Только город Барнаул направил на освоение целины более трёх тысяч юношей и девушек [1].

Первый целинный хлеб был получен в 1954 г. В соответствии с Постановлением Алтайского крайисполкома и бюро крайкома КПСС №486 от 3 сентября 1954 г. на уборку урожая в колхозах и совхозах края привлекались учащиеся 8-9-х классов городских и сельских средних школ, студенты техникумов, институтов, краевой школы руководящих колхозных кадров, торговых, сельскохозяйственных и медицинских школ, слушатели школ ФЗО, ремесленных училищ и школ механизации сельского хозяйства Министерства трудовых резервов и других ведомств [2]. Для распространения передового опыта и мобилизации трудовой активности молодёжи в середине 1950-х гг. появился новый вид

документа – обращение. 2 июля 1956 г. делегаты 2-го районного слёта комсомольцев-старшекласников Троицкого района обратились ко всем учащимся района с обращением, в котором призывали всех выпускников и учащихся 8 и 9-х классов в своё каникулярное время работать в разных отраслях сельского хозяйства и промышленности [3].

Сближению школы с производством способствовало создание в общеобразовательных учреждениях производственных бригад. В развёрнутой справке Алтайской краевой станции юных натуралистов о работе ученических производственных бригад 1959 года приводятся сведения о новых формах организации труда учащихся в сельскохозяйственном производстве: ученических бригадах, звеньях, учебно-опытных хозяйствах, комсомольско-молодёжных лагерях. В этом году в Алтайском крае работало 365 ученических производственных бригад (из них 260-сельскохозяйственных, 105-строительных) и 600 звеньев с охватом 21548 учащихся. Отличительной особенностью ученических производственных бригад, по сравнению с предыдущими годами, явилось то, что они стали многоотраслевыми, и все работы от посева до уборки урожая проводились самими учащимися. В 1959 году молодёжными бригадами было выработано 1207000 трудодней, заработано 1080000 рублей [4]. Участвуя в уходе за овощными культурами, уборке урожая, школьная молодёжь усваивала многообразные трудовые навыки и знакомилась с организацией работы коллектива. Трудовое воспитание способствовало формированию среди школьников чувства ответственности за порученное дело, бережливость к урожаю, вырабатывало у школьной молодёжи определенные требования к порядку и дисциплине, интерес к труду.

Общегосударственные задачи подъёма животноводства обусловили актуализацию кормовой проблемы. Поэтому ЦК ВЛКСМ поставил перед комсомольскими организациями колхозов и совхозов задачу активного участия в заготовке кормов. В 1957 г. за выращивание высокого урожая сахарной свёклы преподаватели и учащиеся Комарихинской семилетней школы Белоглазовского района были награждены почётными грамотами крайкома КПСС и исполкома краевого Совета депутатов трудящихся [5]. Почётными грамотами крайкома КПСС и исполкома краевого Совета депутатов трудящихся за успешное проведение опытнической работы, за выращивание высоких урожаев кукурузы в 1958 г. были награждены: Черёмновская средняя школа Павловского района, семилетняя школа Троицкого свеклосовхоза, Ельцовская средняя школа, Дегтярская семилетняя школа Знаменского района, Ребрихинская средняя школа, Некрасовская средняя школа Славгородского района, Мартыновская семилетняя школа Яминского района, Пуштулимская средняя школа Ельцовского района [6].

Рапорт Алтайской краевой комсомольской организации ЦК ВЛКСМ «О выполнении обязательств по достойной встрече 40-летия Ленинского комсомола» от 27 октября 1958 г. свидетельствует о том, что особенно широкое распространение в эти годы получило патриотическое движение комсомольцев и молодёжи за экономию и бережливость. На предприятиях, стройках и транспорте, в колхозах и совхозах и РТС были созданы комсомольские посты, рейдовые бригады, учреждены лицевые счета и трудовые книжки общественно полезных дел молодёжи. Комсомольцы и молодёжь Алтая обязались к 40-летию Ленинского комсомола внести в комсомольскую копилку 60 миллионов рублей. 6 миллионов рублей внесла в копилку молодёжь училищ трудовых резервов края. Они построили своими силами 12 учебных мастерских и учебных корпусов, 16 кабинетов и лабораторий, приняли активное участие в уборке урожая. С участием молодёжи было построено более 160 учреждений культуры, 1100 спортивных площадок и стадионов, высажено более 2 миллионов деревьев [7].

В условиях, когда любые заграничные контакты были большой редкостью, особый интерес вызывают документы о направлении изготовленных алтайскими школьниками поделок для участия в выставке в США. Краевой детской технической станцией на выставку были отправлены: модель речного пассажирского судна «Амур», универсальный

радиоприёмник «УРА», кордовая гоночная модель самолёта, автоматический дозатор сыпучих грузов и др. [8].

Отдельно стоит сказать о зарождении трудовых починов алтайского студенчества, которые к 1965 году переросли в организованные студенческие отряды со своей структурой, штабом, уставом и традициями. В 1957-1958 гг. студенты Алтайского института сельскохозяйственного машиностроения (сейчас АлтГТУ им. И.И. Ползунова) работали на строительстве животноводческих помещений в Романовском районе, учащиеся Барнаульского строительного техникума возвели в Краснощёковском районе водокачку, отремонтировали несколько скотных дворов и зерновых токов, строительные бригады Бийского пединститута сооружали дороги, будущие педагоги из Барнаула своими руками построили учебные мастерские, учащиеся техникумов Славгорода – кинотеатр, Павловского зооветтехникума – общежитие [9]. Состоявшееся в мае 1958 года собрание краевого комсомольского актива студенческой молодёжи поддержало инициативу будущих специалистов по участию в промышленном и жилищном строительстве, ремонте учебных корпусов, общежитий, спортивных сооружений. Наряду с использованием для этой цели летних каникул было решено в течение учебного года каждому студенту вуза и учащемуся техникума отработать на строительных объектах не менее 20 часов [10].

Целине требовались не только новостройки, остро стоял вопрос кадров высококвалифицированных специалистов: агрономов, зоотехников, инженеров, врачей, учителей. В вузах края в начале 1960-х годов резко увеличился контингент студентов, стремительно стала развиваться учебно-лабораторная база. В Алтайском институте сельскохозяйственного машиностроения в 1958 г. обучалось 2045 студентов, в 1966 г. отряд политехников вырос до 9525 человек [11]. Целинная стройка для алтайских студентов временно отодвинулась на второй план. Все силы были брошены на строительство учебных корпусов и общежитий, причём работали не только в период каникул, но и в течение всего года. Газета «Молодёжь Алтая» 11 июня 1961г. о строительных буднях студентов сообщала: «Большие перспективы у нашего сельскохозяйственного института в недалёком будущем. Строится новый учебный корпус с актовым залом на 600 мест, спортивным залом, библиотекой, книгохранилищем. Новое здание скоро оживёт. Приблизить это стараются сами студенты» [12]. 17 декабря 1961г. «Молодёжь Алтая» писала: «На строительстве учебного корпуса Барнаульского пединститута можно каждый день встретить студентов 4 курса физмата. Работают ударно...» [13]. В июне 1963 года Барнаульский горисполком принял решение ускорить сооружение главного учебного корпуса Алтайского политехнического института. На строительстве комплекса трудились многие политехники. Они организовали производство гипсолитовых плит, выполняли монтажные, столярные, отделочные работы [14]. Трудно переоценить вклад студентов-политехников в сооружение учебных корпусов и общежитий в 1960-е годы, особенно с лета 1963 года - после создания при парткоме института штаба общественно полезных работ (ОПР). К 1965 году завершилось строительство главных учебных корпусов и общежитий в политехническом, сельскохозяйственном, педагогическом институтах, появилась возможность вновь направить студенческие отряды на целинные стройки.

Таким образом, трудовое воспитание учащейся молодёжи Алтайского края в 1950-1960 гг. характеризовалось целеустремлённостью, активностью, многообразием используемых форм и методов. Оно способствовало формированию у молодёжи самостоятельности, чувства ответственности за трудовое дело, развивало нравственные качества и практические навыки.

Список источников и литературы

1. ГААК. Ф.П-54. Оп. 3. Д. 1. Л. 37-50.
2. ГААК. Ф.П-16. Оп. 10. Д. 272. Л. 103.
3. ГААК. Ф.П-482. Оп. 20. Д. 4. Л. 41-42.
4. ГААК. Ф.Р-1385. Оп. 1. Д. 25. Л. 1-17.

5. ГААК. Ф.Р-573. Оп. 3. Д. 8. Л. 1.
6. ГААК. Ф.Р-573. Оп. 3. Д. 11. Л. 83-84.
7. ГААК. Ф.П-482. Оп. 20. Д. 52. Л. 51-52.
8. ГААК. Ф.Р-1166. Оп. 1. Д. 4. Л. 76-79.
9. Молодёжь Алтая. 12 сентября. 1958.; Молодёжь Алтая. 25 августа. 1959.
10. ГААК. Ф.П – 482. Оп. 20. Д.59. Л.45.
11. Музей АлтГТУ. О.Ф. 742. Л.3. №742/7.
12. Молодёжь Алтая. 11 июня. 1961.
13. Молодёжь Алтая. 17 декабря. 1961.
14. Алтайские политехники: очерки истории Алтайского политехнического института им. И. И. Ползунова / [редкол.: В. Д. Гончаров и др.]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1986. С. 28.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ

Локтев Р.И. - аспирант

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (г. Барнаул)

Современной туристской литературы термин этнокультурный туризм отождествляют с такими видами туризма как этнографический, этнический, эколого-этнографический, событийный, ностальгический. Их связь друг с другом лишь поверхностная, так как у каждого вида туризма имеются свои определенные цели и задачи [1].

Учитывая основные цели подвидов этнокультурного туризма, можно смело отметить, что они дополняют друг друга с одной стороны, а с другой несут, что-то свое индивидуальное. К примеру, этнокультурный и этнографический туризм имеют лишь внешнее сходство. Этнографический туризм ориентирован на поиск собственных корней, потребность знания об общественном наследии, желание туриста окунуться в идеализированный мир, который создан на основе исторической реконструкции, тогда как этнокультурный туризм направлен непосредственно на обращение к региональному и локальному аспекту проявления этнической культуры коренных малочисленных народов проживающих в том, или ином регионе. Главным аспектом этнокультурного туризма является коренное население, которое исторически проживает в регионе, проявляет свою особенную этническую культуру. Цель такого путешествия является возможность проследить особенности природопользования, мировоззрения коренных малочисленных народов на основе сложившегося у них исторически жизненного опыта.

Республика Алтай многонациональная субъект РФ, его этнический состав формировался на протяжении многих столетий. Это родной дом для малочисленных народов тубаларов, гелканцев, кумандинцев, телеутов, теленгитов, которые включены в перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Была принята программа социально-экономического развития Республики Алтай на 2010-2014 годы, утвержденной Законом Республики Алтай от 31 мая 2010 года, где основной целью культурной политики является сохранение и развитие многообразия и самобытности традиций национальной культуры народов Горного Алтая и формирование единого культурного пространства.

Более яркими этнокультурными ресурсами Горного Алтая являются памятники археологии, относящиеся к разным историческим периодам. На территории можно выделить несколько археологических комплексов, которые, несмотря на значительную удалённость, могут стать основой развития познавательного, этно-экологического и научного туризма. Это, прежде всего памятники скифского времени (VII – II вв. до н.э.) – Пазырыкские курганы, курганы на плоскогорье Укок. Наследие тюркского периода (VII-V вв.) представлено комплексом Кудергэ в Улаганском районе с балбалами, петроглифами и руническими письменами. А также храмово-погребальные комплексы Башадара, Ело, Каракола,

многочисленные каменные изваяния Чуйской долины, стелы и керексуры в долине реки Юстыд и Бар-Бургазы, петроглифы Калбак-Таш и т.д. Все эти археологические комплексы в сочетании с уникальной природой и этнографическим колоритом создают поистине неповторимые ландшафты, которые являются объектами туристско-рекреационной деятельности [2].

Особую роль в развитии этнокультурного туризма также занимают национальные, краеведческие музеи и экспозиции. В республике Алтай находится большое количество республиканских, краеведческих, а также школьных музеев и экспозиций, которые знакомят посетителей с культурой народов Алтая. В Усть-Коксинском районе в с. Верх-Уймон – музей старообрядческой культуры, музей Н. Рериха, краеведческий музей в с. Чендек, в Усть-Канском районе – краеведческий музей в с. Мендур-Соккок, Алтайский центр в с. Чемал, в Кош-Агачском районе – краеведческий музей в с. Кокоря, музей казахской культуры в с. Жана-Аул, в Турачакском районе – краеведческий музей «Эрми-Таш» расположенный в с. Артыбаш, этнотуристский центр «Алтайский аил» в с. Кебезень, в с. ЧепощЧемальского района – музей-мастерская русской обрядовой куклы «Десятиручка» и другие небольшие, но не менее интересные экспозиции. Катунский биосферный заповедник, официально был создан постановлением Совета Министров РСФСР 1991 году [3]. Для своих посетителей предлагает три маршрута:

1.«Царство голубых озер» - программа рассчитана на пять дней с посещением озер Верхнего Мультинского, Тайменьего, Казиниха и водопада на верхнем Мультинском озере. В сезон по этому маршруту проходят около 10 групп.

2. «Катунские струи» предлагает туристам программу, рассчитанную на четыре дня с посещением водопада на реке Казинах, порога Щеки, верховья Катуня. В среднем посещаемость тура за сезон 20 групп.

3.«Золотое кольцо Белухи» продолжительность предлагаемого маршрута составляет 2 дня. За эти дни туристам представится возможность увидеть высокогорные озера Поперечное, Верхне-Мультинское, Тайменье, ледник Норильчан и водопад на реке с. Солоуха.

В регионе действуют следующие учреждения культуры и искусства: «Национальный драматический театр им. П.В. Кучияк» коллектив, которого воплотил в жизнь следующие спектакли: «Гуманный Арчуг», «Туба», «Маарк», «Ырысту», «Гартынак» всего было поставлено около 50 спектаклей по произведениям алтайских авторов Л. Кокышева, Б. Укачина, А. Адарова, Н.Шумарова, К. Кошева, С. Санашева. «Государственный национальный театр танца и песен «Алтам», «Республиканский центр народного творчества» и многие другие. Спектакли театров приобщают и знакомят нас к богатству устного народного творчества [4].

Немаловажно отметить работу этнокультурного центра «Сокровенный Алтай» в с. Тюнгур Усть-Коксинском районе. Целью, которого является сохранение, возрождение и защиты культурного наследия коренных малочисленных народов Алтая.

Все сказанное выше знакомит нас с историей, культурой, обычаями, традициями коренных малочисленных народов.

Во многом именно самобытная культура алтайского народа, шаманские обряды, этнический музыкальный фольклор формируют перспективы этнокультурного туризма в нашем регионе. И эти ресурсы – связанные с историей и духовной жизнью алтайского народа – уже используются туроператорами. В основе этого направления лежит стремление людей увидеть не только ненарушенную природу, но и познакомиться с бытом и традициями людей, которые тысячелетиями живут в гармонии с окружающей их природой.

Проанализировав Республику Алтай на предмет развития этнокультурного туризма можно сделать следующие выводы:

1. Территория этнически разнообразна, тем самым благоприятна для развития этнокультурного туризма.

2. Этнокультурный туризм носит межрегиональный характер. Для успешного развития и управлением туризма необходимо сотрудничать с соседними регионами. Так было создана «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», которая ведет политику о защите прав коренных малочисленных народов. В местных органов управления ведется региональная политика в области развития этнокультурного туризма, проводятся различные национальные праздники, в регионе есть этнографические и краеведческие музей, которые в свою очередь участвую в образовательном процессе региона.

3. Для успешной работы гида и сотрудников туристских фирм, необходимы глубокие знания о коренных малочисленных народов, проживающих в Республики Алтай, а в частности знания в этнографии, социологии, культурологи и других гуманитарных наук, что поспособствует более качественному и грамотному формированию этнокультурного туристского продукта.

Список источников и литературы:

1. Министерство экономического развития и инвестиций Республики Алтай [Электронный ресурс]-Государственные программы Республики Алтай.- <http://mineco.altai-republic.ru>. программа «Развития культуры». Стр.7.

2. Министерство экономического развития и инвестиций Республики Алтай [Электронный ресурс]-Государственные программы Республики Алтай.- <http://mineco.altai-republic.ru>. программа «Развития культуры». Стр.11.

3. Портал «Музеи России» [Электронный ресурс] - узей-усадьба Г.И. Чорос-Гуркина-
<http://www.museum.ru/M2246>

4.Катунский биосферный заповедник [Электронный ресурс] – официальный сайт, История создания заповедника. <http://www.katunskiy.ru/>